

Вырезка из газеты

ТАГАНРОГСКАЯ
ПРАВДА

30 АБВ 1980

г. Таганрог

◆ Последние письма П. И. Чайковского

„Симфонией я очень горжусь...“

ВЫПУСКНЫМ сочинением Чайковского в консерватории в 1865 году была кантата на текст оды «К радости» Фридриха Шиллера, той самой оды, которая звучит в финале девятой симфонии Бетховена.

Но теперь, в 1893 году, Чайковского преследует неотвязная мысль создать другую оду — симфоническую оду «К скорби».

11 февраля в письме племяннику В. Л. Давыдову он сообщает: «...у меня явилась мысль другой симфонии, на этот раз программной, но с такой программой, которая останется для всех загадкой... Программа эта самая что ни на есть проникнутая субъективностью, и нередко во время странствований, мысленно сочиняя ее, я очень плакал... По форме в этой симфонии будет много нового, и между прочим, финал будет не громкое аллегро, а наоборот, самое тягучее ада-

жио. Ты не можешь себе представить, какое блаженство я ощущаю, убедившись, что время еще не прошло и что работать еще можно.

Как объяснить программу новой симфонии, если об одном из первых вариантов Чайковский заметил, что в ней будет вся жизнь? «Первая часть — вся порыв, уверенность, жажда деятельности. Должна быть краткая. (Финал — смерть, результат разрушения. 2 часть — любовь, 3 — разочарование, 4 — кончается замиранием, тоже краткая)». Зачем мы живем? «Зачем? Для чего? Начало и основная мысль всей симфонии».

Чайковский доволен ею: «Симфонией я очень горжусь и думаю, что это лучшее мое сочинение».

За месяц до смерти Петр Ильич отклонил предложение написать музыку к «Реквиему» А. Н. Апухтина: «Меня сму-

шает то обстоятельство, что последняя моя симфония, только что написанная и предназначенная к исполнению 16 октября, проникнута настроением очень близким к тому, которым преисполнен «Реквием».

Увы, Чайковский не мог подозревать, какими пророческими окажутся эти слова. Как Моцарт свой «Реквием», так Чайковский свою Шестую писал для себя.

На репетициях оркестранты равнодушно проигрывали часть за частью Чайковского это оторчало. Но репетиции Шестой он вел с упорством и настойчивостью, продолжая утверждать: «Лучше этой симфонии никогда ничего не писал и не напишу».

16 октября 1893 года в Петербурге, в нынешнем белоколонном зале Филармонии, Чайковский дирижировал Шестой. Вскоре, отправляя издателю П. И. Юргенсону партитуру Шестой, Чайковский просил на-

звать ее «Патетической» и горестно прибавил: «С этой симфонией происходит что-то странное! Она не то, чтобы не понравилась, но произвела некоторое недоумение...».

Это написано 18 октября. Через три дня Чайковский заболел. Его брат Модест Ильич был уверен: несчастье случилось оттого, что Петр Ильич выпил стакан сырой воды. Врач определил холеру.

Еще через несколько дней на первых страницах газет появилось траурное извещение: «Петр Ильич Чайковский скончался 25-го сего октября в 3 часа утра...»

Скончался в квартире Модеста Ильича в доме на Малой Морской (ныне улица Гоголя, там теперь мемориальная доска), напротив старого особняка, в котором жила когда-то княгиня Голицына, «Пиковая дама»...

И исполненная второй раз,

6 ноября 1893 года, Шестая прозвучала как реквием памяти Чайковского.

Отчего мы любим трагическую музыку, от которой, по выражению академика Асафьева, «я теперь становится страшно»?

Бывают времена радости, а бывают времена скорби.

Радость вдохновляет, умножает силы, зовет к подвигам. Ода «К радости» способна сплотить миллионы и одушевить их в движении вперед.

Скорбь очищает и возвышает. Когда умирают лучшие люди страны, по радио звучат траурный марш из Третьей симфонии Бетховена и 4-я часть — знаменитое адажио — из Шестой Чайковского. Ода «К скорби» способна тоже сплотить миллионы и воззвать к величии душ и помыслов.

Скорби не стыдятся. Когда-то не было слов благороднее, чем эти: «гражданская скорбь». В этих словах заключены были сострадание, сочувствие угнетенному народу, погубанной Родине.

Этим великим чувством согрета и Шестая Чайковского.

Л. МАРХАСЕВ.

(Из книги «Любимые и другие»).